

20 ноября 2013 г. в ИМЭМО РАН состоялся круглый стол «**Пространственные факторы современных политических изменений: проблемы концептуализации**». Круглый стол проводился в рамках [научно-теоретического семинара Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований](#) (ЦЭСПИ), посвященного анализу социально-политических изменений в современном мире. В заседании приняли участие сотрудники ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, ИНИОН РАН, Института географии РАН, Российского института культурологии, МГИМО (У) МИД РФ, Кубанского государственного университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, и, в заочном формате - Пермского научного центра УрО РАН и Кабардино-Балкарского государственного университета.

В центре обсуждения были проблемы концептуализации политических пространств, оценка когнитивного потенциала этого концепта и анализ пространственных факторов современных политических изменений.

Во вступительном слове и докладе руководителя семинара **И.С. Семененко**, д.полит.н., зав. сектором ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, был поставлен вопрос о становлении концепта *политического пространства* как составляющей *социального пространства*, о состоянии исследований по этой проблематике и возможностях использования потенциала пространственного анализа в современной политической науке. Политическую субъектность государства и негосударственных акторов, сообществ, индивидов можно рассматривать в качестве ключевого фактора типологизации современных *политических пространств*. Как категория для осмысления политических изменений *политические пространства* представляют область взаимодействия (коммуникации), виртуального и зачастую – конфликтного, субъектов политического процесса разной природы. Современное развитие характеризуется множественностью *политических пространств* различных конфигураций, очертания которых ситуативны и подвижны. *Политическое пространство* можно рассматривать и как *пространство воображения*, отражающее смыслы, ценности, идеи и идентичности, которые воплощаются в политических действиях и могут формировать отвечающие задачам политического целеполагания институты и структуры (например, сетевые структуры глобального гражданского общества).

В докладе **Н.А. Косолапова**, к.и.н., зав. Отделом международно-политических проблем (ОМП) ИМЭМО РАН, был рассмотрен вопрос о природе взаимосвязей *пространства* и территории и представлен сравнительный анализ территории и *пространства* как явлений и категорий политической теории; предложены их операциональные определения. *Пространство* рассмотрено как переходное состояние между полным отсутствием какой-либо социальной и/или социально-политической организации социума на данной территории и появлением на ней сложившейся системы отношений, институтов и норм. *Пространство* включает все виды отношений и норм – неформальных и формальных – и обеспечивает постепенное дополнение первых вторыми. Природа *пространства* виртуальна. Территория может быть охвачена неограниченным числом *пространств*. В условиях территориальной освоенности мира именно *пространства* становятся ведущей формой его возможных переделов. Глобализация поставила в политическую повестку дня вопрос создания специфических *глобальных пространств*, в том числе глобального права и институтов глобального регулирования.

В выступлении **В.В. Лапкина**, в.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, первого заместителя главного редактора журнала «Полис. Политические исследования», было отмечено, что использование широко распространенного в общенаучной методологии концепта *пространства* в сфере

политической науки осложняется принципиальным изменением свойств пространственности при переносе представлений, заимствованных из евклидовой геометрии, картезианской философии и ньютоновской физики. Классические представления о *пространстве* предполагают качество протяженности, характеризуемое свойствами трехмерности; симметрии; однородности; изотропности. *Социальные и политические пространства*, напротив, многомерны, асимметричны (а, стало быть, историчны и трансформируемы необратимым образом), неоднородны (склонны к центр-периферийным отношениям, формированию иерархизированных порядков и многоцентровых сетевых структур управления) и неизотропны (в них есть привилегированные направления, центростремительные, центробежные и хаотические тренды). Эти свойства *политических пространств* открывают возможности разработки нового аналитического инструментария, оценки динамической устойчивости политической системы, баланса интегрирующих и деструктивных процессов в исследуемом сообществе и возникающих рисков.

Методологическим проблемам анализа *политического пространства* как одной из форм *социального пространства* было посвящено выступление (в заочном формате) **Х.Г. Тхагапсоева**, д.филос.н., профессора Кабардино-Балкарского государственного университета. Политическое является лишь одним из множества аспектов социального бытия, а значит, – методологические принципы обязывают говорить о «*пространстве политического*» или же о *пространстве политических отношений, действий – взаимодействий*. В ряду типичных ошибок методологии не последнее место занимает упрощенное, натуралистическое понимание *политического пространства* – без идеального и духовно-морального. «*Пространство политического*», будучи одним из аспектов *социального пространства*, детерминировано особенностями последнего – трендами и динамикой развития (трансформации) социального бытия на конкретном историческом этапе. Едва ли ни главным последствием глобализации является крушение/демонтаж пространственных обособлений и границ – территориальных, экономических, культурных, коммуникативных, с вытекающими отсюда последствиями, в числе которых активная трансфузия форм и институций социального бытия в *мировом, глобальном социальном пространстве*. Сегодня язык «структур и структурности» (общество, государство, территория и пр.) перестает быть релевантным и уступает место «языку процессности» (глобализация, коммуникация, трансформация типов и форм социальной субъектности). Отставание политики от мира социальных отношений и процессов может быть «адекватно схвачено» и поправлено на путях системной типологизации *политического пространства*.

В выступлении **В.И. Пангина**, д.филос.н., зав. Отделом ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, подчеркивалось, что Ф. Бродель и другие классики мир-системного подхода рассматривали мировую экономическую и политическую систему как единое, но дифференцированное целое, причем *пространство мир-системы* моделировалось как «активная среда» со множеством возбудимых и проводящих импульсы возбуждения элементов – институтов, акторов, субъектов политического и экономического развития. Очевидно, что прежнее деление на «развитые» и «развивающиеся» страны, на центр и периферию в условиях глобализации теряет прежнее значение, поскольку мировая политика и экономика становится все более целостной, сложной и дифференцированной системой. Происходит усложнение *пространства мировой политики, глобального политического пространства*, возникают новые региональные экономические и политические союзы, объединения государств, наднациональные и транснациональные пространственные структуры, в том числе структуры регионального и глобального регулирования и управления.

В центре внимания **И.В. Самаркиной**, к.полит.н., доцента КубГУ, была политическая картина мира, виды и функции пространственных образов, которые являются частью политических представлений личности. Политическая картина мира была рассмотрена как система образов, представляющих политический мир в индивидуальном и групповом сознании и являющейся частью *субъективного пространства политики*. Пространственные образы выполняют в этом контексте функции географических, символических маркеров, а также *маркеров пространства политического действия*. Такие образы являются инструментами, раскрывающими сущность и особенности ключевых образов политической картины мира, в частности образов власти и государства, и существенно влияют на базовые образы политической картины мира, а, следовательно, на формирование национально-государственной идентичности.

Доклад **И.Л. Прохоренко**, к.полит.н., в.н.с. ОМПП ИМЭМО РАН, был посвящен проблеме субъектности *политического пространства*, которая требует нового осмысления научных категорий «субъект политического взаимодействия» и «субъект политических отношений». Многообразие форм и уровней *политического пространства* современности ставит перед исследователями этого феномена задачи выявления и классификации их субъектов, а, учитывая сопряженность множества *политических пространств* в том или ином месте и времени, – вопрос о потере, сохранении или обретении качества субъектности для тех или иных участников одного *политического пространства* в другом. При этом в связи с наблюдаемым усложнением *политического пространства* неизбежно возникает вопрос о том, может ли оно быть моносубъектным или в нем обязательно действует множество субъектов.

Как подчеркнула в своем докладе **М.В. Стрежнева**, д.полит.н., зав. сектором ОМПП ИМЭМО РАН, адекватному исследованию европейской интеграции и функционирования Евросоюза мешает «интеллектуальный апартеид», проистекающий из раскола политической науки на две части – изучение международных отношений и внутренней политики. Концепт *политического пространства*, понимаемого как совокупность правил и установлений, которым подчиняет свою жизнь некое сообщество, объединенное общей культурой (субъект данного *пространства*), помогает в преодолении этого аналитического затруднения. В такой трактовке *политическое пространство* не метафора или абстракция, а интересубъективная реальность, сущность которой можно точнее познавать, встав на позиции феноменологизма. *Политическое пространство* в сочетании с действующими в нем акторами/агентами образует политическое поле (по П. Бурдьё). В европейском политическом поле, где субъектом *пространства* выступает «политический класс» интегрированной Европы, налажены множественные каналы транснационального взаимодействия, соответствующие вызовам глобализации, но дальнейшее умножение транснациональных сфер взаимодействия элит без активного привлечения сил гражданского общества чревато усугублением демократического дефицита на национальном уровне.

Значимость *пространственного подхода* применительно к изучению процессов европейской интеграции была затронута в ряде последовавших выступлений. **И.М. Бусыгина**, д.полит.н., профессор МГИМО (У), подняла вопрос о характере взаимоотношений политического и экономического пространств в Евросоюзе. Оба *пространства* многоакторны и асимметричны, однако эта асимметрия проявляется по-разному. Если *экономическое пространство* отличает горизонтальная (территориальная) асимметрия, то основное измерение асимметрии *пространства политического* имеет вертикальный характер: нижний слой (европейский демос) слабо связан с «элитным» слоем верхнего уровня. Неодинакова и скорость «насыщения» *пространств*: экономическое развивается много быстрее политического. Такое развитие не является недоработкой

европейского проекта, но, напротив, «ценой» за продвижение экономической интеграции. Вследствие этого *политическое пространство ЕС* принципиально не имеет шансов «догнать» *экономическое*. Сохранение такой ситуации существенно ограничивает выбор в ходе дискуссий о стратегическом видении будущего ЕС.

Как отметила **Л.О. Бабынина**, к.полит.н., руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, *экономическое и политическое пространства в ЕС* невозможно разделить и изолировать друг от друга, поскольку за процессом развития экономического сотрудничества всегда стоят политические решения. Особенно явно это проявляется, когда динамика развития возрастает, например, в настоящее время реформы ЭВС. Таким образом, *экономическое и политическое пространства в ЕС* неразрывны, и развитие одного из них влечет за собой развитие другого. При анализе данного процесса следует учитывать фактор различных интересов национальных государств. При развитии неразрывных между собой пространств ЕС очевидно будет усиливаться дифференциации европейского пространства в целом и расти асимметрия властных полномочий акторов интеграционного процесса, следствием станет усложнение организации и взаимодействия различных *пространств* в рамках европейской интеграции.

О.Ю. Потемкина, д.полит.н., зав. Отделом Института Европы РАН, подчеркнула, что новые тренды общественного развития в состоянии корректировать представления о Европейском союзе как экономическом гиганте и политическом карлике, о недоразвитости *политического пространства ЕС* по сравнению с *экономическим*. За последние 20-25 лет карлик успел подрасти, а асимметрия экономической и политической интеграции сократилась, что усложнило картину восприятия европейской действительности. Пространственное развитие стало одним из ключевых направлений деятельности ЕС; были созданы его основные институциональные, правовые, политические и финансовые структуры. Показательным примером можно считать формирование и трансформацию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС как *политического пространства*. Кризис ЕС должен был бы замедлить развитие этого *пространства* в сторону дальнейшей европеизации, однако последние события указывают на обратную тенденцию. Ускорение в деле учреждения Европейской прокуратуры станет значимым шагом в направлении федерализации Евросоюза.

Роль глобальных городов в структурировании *глобального политического пространства* была в центре внимания **Е.Г. Довбыша**, аспиранта ЦЭСПИ, и.о.м.н.с. ИМЭМО РАН. Глобальный город — это сложное явление, определяющей характеристикой которого является его дуальная природа: одновременно социальная и пространственная. Концептуализация категории *политического пространства* способствует более адекватному пониманию места и роли глобальных городов в мировой политике. Возрастающая роль глобальных городов в политическом взаимодействии способствует укоренению категории *пространства* в социальных науках. Перспективным оказывается пересмотр традиционного представления о структуре *политического пространства* и признание того, что оно состоит как из иерархических, так и из сетевых структур.

Эти последние были в центре внимания **Л.А. Фадеевой**, д.и.н., проф., зав. кафедрой политических наук Пермского ГНИУ, которая поставила вопрос о наличии *политического пространства* в Интернете. Она охарактеризовала два противоположных варианта ответа на этот вопрос и предложила оценивать *Интернет-пространство* с точки зрения представленных в нем субъектов и реализуемых ими политических функций.

В выступлении **И.В. Мирошниченко**, к.полит.н., доцента КубГУ, для анализа, в том числе и компаративного, качественных изменений характеристик *политического пространства*,

особенностей формирования политических акторов, характера их коммуникаций, взаимодействий публичных акторов и институтов, а также специфики политического процесса была предложена категория «сетевого ландшафта». Было сформулировано операциональное определение сетевого ландшафта публичной политики с учетом его *пространственных* и темпоральных оснований. Были выделены различные виды социальных сетей, влияющих на формирование политических акторов, оценен их конструктивный и деструктивный потенциал в *пространстве российской публичной политики* и способы включения в процессы принятия политических решений.

Н.В. Загладин, д.и.н., проф., руководитель ЦЭСПИ, определил понятие «*пространства*» как крайне многозначное с точки зрения его категориального использования. Можно говорить о *пространстве личных контактов индивида, политическом пространстве той или иной партии, экономических, геополитических пространствах* и т.д. Введение этого понятия в широкий научный оборот имеет значительные эвристические возможности. С учетом специфики избранного для рассмотрения *пространства* и его субъекта, можно, во-первых, выделить факторы, способствующие стабильности и развитию соответствующего *пространства*, или же его разрушению; во-вторых, провести анализ реально существующей ситуации вокруг изучаемого *пространства* и его особенностей, что раскрывает возможности для использования новой методологии прогнозирования развития исследуемых процессов. Таким образом, в рамках данной парадигмы исследования открывается возможность выработки рекомендаций по нейтрализации (или усилению, если это необходимо) факторов дестабилизации изучаемых *пространств*.

В докладе **М.П. Крылова**, д. геогр.н., в.н.с. Института географии РАН, была поставлена проблема неоднородности *культурного и политического пространства*. Делая акцент на роль *пространства*, необходимо подходить с осторожностью к понятиям "сеть", "сетевой ландшафт", "сетевое общество": часто они становятся альтернативными по отношению к *пространству* (трактовка М. Кастельсом перспектив развития сетевого общества в России, "искореняющим" традиционное значение фактора *пространства*; понимание российским социологом О.Н. Яницким роли "сети" в развитии «зеленых» экологических движений в России в ущерб местному сообществу – "первичной ячейки", «молекулы» *социально-политического пространства*). В рамках авторского (совместно с к.геогр.н. А.А.Гриценко) исследования ситуации в Левобережной Украине показано, что унифицированная, игнорирующая местные особенности идентичности политика нациестроительства неизбежно наталкивается на сопротивление идентичности местных сообществ, в результате чего вместо единой конструкции *общего пространства* активно развивается "ложный сепаратизм", идет ментальный дрейф регионов Украины в разные стороны.

В выступлении **В.Л. Шейниса**, д.э.н., г.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, рассматривались проблемы и парадоксы территориально-политического размежевания на *постсоветском пространстве*. В начале 90-х годов прекратила существование крупнейшая мировая империя, и в последующее десятилетие решался не вопрос, быть или не быть единому государству, а в какой форме это произойдет и какие последствия за собой повлечет. Сегодня проблема территориальной целостности Российского государства перешла в другое качество. Угроза сепаратизма той или иной территории отодвинута, сепаратистские движения преодолены, но силы административно-политической и социокультурной дезинтеграции действуют. Некоторые территории (Северный Кавказ), на которых сформировалась система организованного насилия, не подконтрольная федеральному центру, выпадают из *правового пространства* России. Оттуда распространяются метастазы за собственные пределы. Настойчиво проводится дискриминация в сфере государственной службы и культурных учреждений в пользу титульных наций даже в тех республиках, где они не преобладают численно. Серьезную опасность

представляют получающие все большее распространение и поддержку в центральной России националистические настроения и движения, выступающие под девизом "Россия для [этнических] русских".

С.П. Перегудов, д.и.н., г.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, остановился на проблеме обострения национально-территориальных противоречий как факторе актуализации концепции *политического пространства* (на примере Великобритании). В центр своего выступления он поставил анализ изменений в национально-территориальных отношениях в Великобритании после принятия в 1999 г. законодательства о деволюции Шотландии и Уэльса. Деволюция привела к слому статичной англоцентричной модели данных отношений и положила начало формированию динамичной и принципиально отличной от нее модели. Анализируя противоречивый и чреватый серьезными рисками процесс становления новой британской государственности, автор приходит к выводу о том, что «британский кейс» наглядно демонстрирует существенные черты, имеющие не только сугубо страновое, но и концептуально-теоретическое измерение. Поэтому их изучение - непереносимое условие формирования становящейся все более востребованной общей концепции *национально-территориального политического пространства*.

По мнению **Г.И. Вайнштейна**, д.и.н., в.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, обсуждение проблем структурирования *политического пространства* и взаимодействующих в нем субъектов важно дополнить более обстоятельным и широким анализом факторов, определяющих содержательное «наполнение» этих взаимодействий/конфликтов. К числу таких факторов следует отнести, помимо факторов территориального (географического) характера, геополитические, культурно-цивилизационные, идейно-политические и, очевидно, некоторые другие факторы, выявление которых должно стать одним из направлений исследования проблематики *политического пространства*.

О высокой актуальности концепта *политического пространства* для анализа развития государства, которое остается главной формой организации политической жизни, говорила **И.В. Кудряшова**, к.полит.н., доцент МГИМО (У). Глобализация и новые коммуникационные технологии проблематизируют логику Модерна, «транслируя» в государство *политические пространства*, структурированные вокруг не связанных с ним политических, культурных и экономических центров. Так, для консолидированных демократий, где широкая инфраструктура политического участия и потребность власти в легитимации политических курсов создают, как предполагалось, основу для устойчивого развития, серьезный вызов образуют инокультурные диаспоры, использующие демократическую инфраструктуру для предъявления требований, не соответствующих духу зрелого Модерна. Для традиционных обществ появление в государстве социальных слоев, получивших западное образование и ориентированных на иные нормы жизни, ведет к ускорению изменений («новый образованный класс» в Саудовской Аравии). Во многих переходных обществах участники сетевых объединений, как правило, молодежь, выдвигают претензии, игнорирующие конкретные общественно-политические реалии и имеющиеся ресурсы (как в ходе недавних выступлений против «авторитарного режима» в Турции). Таким образом, умножение *политических пространств* и наложение их на государство приводит к росту внутренней хронополитической чересполосицы.

Е.В. Морозова, д.филос.н., проф., зав. кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, поставила вопрос о российском фронтире как факторе формирования политических ценностей и, в более широком контексте, об эвристических возможностях теории фронта и её современных интерпретациях в различных отраслях социально-гуманитарного знания. Фронтир понимается как *пространство взаимодействия культур*, в котором

возникают новые идентичности. На примере южнороссийского фронта было показано его влияние на формирование и эволюцию политических ценностей. В условиях информационного общества возникает киберфронт, для исследования которого может быть адаптирована классическая теория фронта.

В выступлении (в заочном формате) **М.В. Назукиной**, к.полит.н., н.с. Пермского научного центра УрО РАН, был поставлен вопрос о факторах, структурирующих *политическое пространство макрорегиона*. Была отмечена многозначность оснований для формирования макрорегиональных общностей, к числу которых относятся как межрегиональные территориальные сообщества внутри государства (в России этот термин применяется по отношению к экономическим районам или как синоним федерального округа), так и наднациональные образования, такие, как ЕС, и регионы, опирающиеся на общие цивилизационные основания, и их части (например, Южная Европа). Конструктивистское понимание макрорегиона основывается на его трактовке как *территориального пространства*, отделяемого от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми, общей культурной памятью и картиной мира. История освоения территории, общая модель хозяйствования и уклад повседневной жизни поддерживают представления об общем пространстве поверх административных границ и, на этой основе, устойчивую макрорегиональную идентичность (Русского Севера, горнозаводского Урала, Центральной России и др.).

В ходе состоявшейся по итогам обсуждения дискуссии были поставлены вопросы о необходимости разработки аналитической модели, интегрирующей пространственные и временные факторы развития, и о введении человеческого измерения в анализ современных социально-политических изменений. Осмысление тенденций общественного развития в пространственных категориях открывает новые возможности для понимания природы изменений, выявления рисков и прогнозирования альтернативных сценариев экономических и политико-институциональных трансформаций. Типологизация таких *пространств* предполагает изучение структурирующих их сообществ и взаимодействующих в их поле субъектов, осмысление процессуального характера *пространства социальных коммуникаций*, в ходе которых формируются новые идентичности. Разработка концепта *политического пространства* как аналитической категории и выявление пространственных факторов социальной динамики открывают пути для становления нового научного направления, которое может способствовать адекватному осмыслению современных реалий, преодолению разрывов между стремительными социально-экономическими изменениями, моделями их научной концептуализации и возможностями (и ограничениями) политического регулирования.

Материал подготовлен И.С. Семененко